

Цзинь Чжи

**ОБРАЗ РЕБЁНКА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
(НА ПРИМЕРЕ РАЗНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУР)**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2019

Работа выполнена в ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» на кафедре русского языка как иностранного.

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Харченко Елена Владимировна

Официальные оппоненты: **Коновалова Надежда Ильинична**
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (г. Екатеринбург), профессор кафедры общего языкознания и русского языка Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации

Мухина Ирина Константиновна, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», (г. Екатеринбург), доцент кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения Уральского гуманитарного института

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»

Защита состоится «24» апреля 2019 г. в 11.00 на заседании диссертационного совета Д 212.285.22 на базе ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал заседаний диссертационных советов, к. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», <http://lib.urfu.ru/mod/data/view.php?id=51&rid=288798>

Автореферат разослан «___» _____ 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Л. А. Назарова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертационная работа посвящена изучению образа ребенка в языковом сознании носителей разных лингвокультур.

Актуальность исследования обусловлена интенсивностью межкультурных контактов, требующей изучения образов сознания разных народов. Именно разница в образах мира часто становится причиной непонимания и конфликтов. Язык – это ключ к пониманию национального менталитета. Анализ языковых средств выражения образов мира, выявление их сходства и отличия способствует повышению эффективности межкультурной коммуникации.

Объектом исследования является языковое сознание носителей разных лингвокультур.

Предметом нашего исследования являются этнокультурная специфика образа ребёнка в языковом сознании носителей разных национальных культур.

Целью работы является выявление своеобразия образа ребенка в языковом сознании представителей разных лингвокультур.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) Провести теоретический анализ литературы по теме исследования с целью уточнения основных подходов к исследованию и понятий теории межкультурной коммуникации, лингвокультурологии и психолингвистики для формирования комплексной методологии исследования.
- 2) Подготовить и провести комплексный психолингвистический эксперимент с носителями русской и китайской лингвокультуры (составить список стимулов для свободного ассоциативного эксперимента и подбора метафор).
- 3) Проанализировать результаты эксперимента, выявить общее и отличное в образе ребенка у носителей китайской и русской лингвокультуры.
- 4) Выбрать для анализа ассоциативные словари, на основании которых определить общее и отличное в образе ребенка у носителей разных национальных лингвокультур.
- 5) Выявить особенности традиционного образа ребенка в китайском и русском языковом сознании по данным словарей и сборников пословиц.

б) Выявить особенности традиционного образа ребенка в китайском и русском языковом сознании по данным анализа народных сказок.

Методологической и теоретической базой исследования являются труды ученых по теории языкового сознания и межкультурной коммуникации (Л. О. Бутакова, Л. С. Выготский, Е. Н. Гуц, Т. М. Дридзе, А. А. Залевская, И. А. Зимняя, В. П. Зинченко, Ю. Н. Караулов, В. В. Красных, А. Н. Леонтьев, В. А. Пищальникова, И. В. Привалова, И. А. Стернина, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Т. Н. Ушакова, Е. В. Харченко и др.); теоретические работы, посвященные исследованию пословиц (А. А. Потебня, Ю. А. Гвоздарев, В. И. Даль, Цуй Силян и др.); работы по исследованию сказок (Х. Хонти, В. М. Жирмунский, Е. М. Мелетинский, С. В. Савченко и др.).

В работе использованы следующие **методы исследования**: метод сплошной выборки, описательный, топологический метод, метод словарных дефиниций, комплексный психолингвистический эксперимент, включающий свободный ассоциативный эксперимент, подбор сравнения и синонимов к слову-стимулу, семантический гештальт Ю. Н. Караулова.

Материал исследования включает лексемы, вербализующие образ ребенка, пословицы, тексты сказок о детях, результаты ассоциативного эксперимента, данные ассоциативных словарей на разных языках.

1. Всего было проанализировано 224 пословицы о детях, из них 100 русских и 124 китайских.

2. Проанализировано 8 русских и 11 китайских сказок о родителях и детях.

3. Проанализированы результаты ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие 150 китайских и 150 русскоязычных респондентов в возрасте 17-28 лет. Получено 1408 реакции на китайском языке, 1347 реакций на русском языке.

4. Проанализированы ассоциативные поля к стимулу ребенок, представленные в ассоциативных словарях на русском, болгарском, украинском, белорусском, английском, немецком, французском языках. Для анализа использовались следующие словари: Славянский ассоциативный словарь (реакции на русском языке – 593, белорусском – 642, болгарском – 583,

украинском – 479), Словарь ассоциативных норм русского языка под ред. А.А. Леонтьева (реакции на русском языке – 616), Французский словарь М. Дебрени (реакции на французском языке – 527), Ассоциативные нормы русского и немецкого языков (реакции на немецком языке – 416), Ассоциативный словарь Киша (Associative Thesaurus of English, Kiss) (реакции на английском языке – 99). Всего проанализировано 3955 реакции на разных языках.

Гипотезой исследования является предположение о том, что образ ребенка, сложившийся в языковом сознании носителей различных культур, имеет сходства, обусловленные совпадающими перцептивными данными от органов чувств, ролью ребенка в социуме, и отличия, связанные с культурными традициями и обычаями.

Новизна работы определяется тем, что впервые раскрыта специфика вербализации образа ребенка в сознании носителей разных лингвокультур. Введен в научный оборот обширный материал данных из разных источников, в том числе и результаты собственных экспериментов. Впервые предложен комплексный психолингвистический эксперимент для изучения образов, закрепленных в языковом сознании, который включает свободный ассоциативный эксперимент, опрос по выявлению синонимических рядов и сравнений.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что она вносит вклад в разработку проблем психолингвистического анализа этнокультурной специфики образов языкового сознания на основе исследования образа ребенка; способствует дальнейшему изучению изменений образов языкового сознания носителей разных культур по данным ассоциативного материала.

Результаты диссертации значимы для разработки учебных курсов лингвокультурологии, психолингвистики, социолингвистики, лингводидактики и могут быть использованы в ходе осуществления языковой и молодежной политики, а также для повышения эффективности межкультурных коммуникаций.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов исследования для уточнения толкования слов, представленных в современных толковых словарях; в лексикографической практике составления ассоциативных словарей, в спецкурсах по межкультурной коммуникации, по психолингвистике, социоллингвистике, лингвокультурологии, культуре речи и профессиональному общению, а также в дальнейших кросс-культурных и междисциплинарных исследованиях, связанных с изучением особенностей языкового сознания носителей различных культур. Результаты данного исследования могут использоваться для повышения эффективности общения представителей разных культур, а также в преподавании РКИ и практике перевода.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Анализ результатов свободного ассоциативного эксперимента показал, что в русской и китайской лингвокультурах сходство в образе ребенка в первую очередь определяется внешними качествами, статусом в обществе, типичным поведением. Отличия же связаны с культурными обычаями и традициями в воспитании детей, а также эталонами красоты, принятыми в обществе.

2. Анализ метафор показал, что в обеих лингвокультурах больше всего было сравнений с животными и птицами (чаще всего маленькими), это говорит о том, что существует общее представление о маленьких живых существах, которые нуждаются в заботе и вызывают умиление.

3. Образ ребенка в языковом сознании носителей разных лингвокультур по результатам анализа ассоциативных словарей с помощью метода семантического гештальта показал, что для образа ребенка являются важными его характеристики, синонимы и окружающие люди, окружающие предметы, менее важны его действия и местонахождение.

4. Анализ китайских и русских пословиц позволил выделить одинаково важные для обеих лингвокультур смыслы: «мама является самой главной для ребёнка» и «детей нужно воспитывать строго». Для китайской лингвокультуры наиболее важными являются следующие смыслы: «дети обязаны быть

почтительными, послушными и благодарными», «сходство родителей и детей», «бесконечная любовь к детям со стороны родителей». Для русской лингвокультуры актуальны следующие смыслы: «дети – смысл жизни, источник счастья», «ребёнка любит и защищает Бог», «дети – самое главное в семье, без них семья теряет всякий смысл».

5. Анализ русских и китайских народных сказок показал, что у них есть общие мотивы: взаимоотношения родителей и детей, взаимоотношения детей и тех, кто заменяет им родителей (мачеха), взаимоотношения родителей и возлюбленных их детей. Главным качеством детей в китайской культуре является полное подчинение воли родителей (послушание). В русской лингвокультуре такое подчинение не наблюдается.

Степень **достоверности** результатов определяется тем, что научные положения базируются на большом количестве теоретических источников, достаточным объемом проанализированного материала (224 пословицы, 19 сказок, результаты ассоциативного эксперимента (1408 реакций на китайском языке, 1347 реакций на русском языке), ассоциативные поля к стимулу ребенок, представленные в ассоциативных словарях на разных языках (3955 реакции на разных языках), а также использованием адекватных поставленным целям и задачам методов сбора и анализа материала, позволяющих выявить общее и отличное в образе ребенка, закрепленного в языковом сознании носителей разных культур.

Апробация работы. Основные положения диссертации и результаты исследования обсуждались на научно-методических семинарах и заседаниях кафедры русского языка как иностранного, на научных конференциях аспирантов и докторантов Южно-Уральского государственного университета (2015 – 2018г.), на международных научно-практических конференциях «Русский язык как государственный» (г. Челябинск, 2016), «Диалог культур Евразии» (г. Челябинск, 2016), «Лингвистика креатива: тенденции и перспективы развития нового научного направления» (г. Екатеринбург, 2018).

Структура диссертации: работа состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка литературы и шести приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы исследования, ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость, обозначается основная цель работы и очерчивается круг задач, определяется объект и предмет, характеризуется материал исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Межкультурная коммуникация как особый вид взаимодействия» рассматривается связь языка и культуры, дается определение межкультурной коммуникации, описываются подходы к изучению межкультурной коммуникации. Межкультурная коммуникация рассматривается как объект изучения лингвокультурологии и психолингвистики, выделяются особенности этих подходов.

В результате изучения разных точек зрения делается вывод о том, что эффективность межкультурной коммуникации зависит от общности сознаний коммуникантов, принадлежащих к разным культурам. В то же время общность сознаний определяется совпадением образов сознания у носителей разных культур. Эти образы, закрепленные в сознании носителей разных культур, можно выявить («овнешнить») с помощью методов, разработанных в психолингвистическом направлении, в теории языкового сознания.

Во второй главе «Теория языкового сознания и научные подходы к изучению образа мира» последовательно рассматривается проблема определения и изучения базовых понятий сознания, языкового сознания и образа мира, составляющих основу психолингвистических работ.

В работе мы придерживаемся принятой в современной психолингвистике концепции языкового сознания, понимаемого как совокупность перцептивных и концептуальных знаний личности об объекте реального мира, опосредованный языком образ мира, овнешняемый в словесных ассоциациях респондентов [Тарасов 2000: 26]. Языковое сознание представляет собой динамическое явление, постепенно изменяющееся с течением времени от одного поколения к другому. Основным фактором его

трансформации являются перемены, происходящие с образами, сложившимися в нем, на формирование которых оказывают значительное влияние средства массовой информации, литература, социальные и политические преобразования в обществе.

Психолингвистика исследует образы в ходе анализа ассоциативных полей, которые построены на основе реакций, полученных от респондентов, принявших участие в ассоциативном эксперименте. Ассоциативный эксперимент позволяет приоткрыть таинственную завесу, скрывающую фрагмент образа мира, отраженного в сознании «среднего» носителя той или иной культуры [Уфимцева 1996: 140].

Об образе ребенка, закрепленного в языковом сознании носителей лингвокультур можно говорить, изучая не только ядерные реакции, но и проводя качественный анализ ассоциативного поля, тем самым включая в исследование периферийные реакции, поскольку мы вслед за А. А. Залевской [Залевская 2000], Ю. Н. Карауловым [Караулов 2000], В. А. Пищальниковой [Пищальникова 2003] считаем, что их игнорирование может существенно повлиять на целостный, хотя и усредненный образ, существующий в языковом сознании.

В результате анализа теоретических источников по языковому сознанию и диссертационных исследований мы определились с научным направлением исследования образа ребенка и определили методы, которые использовались в работе.

В третьей главе «Образ ребенка в языковом сознании современных носителей разных лингвокультур» изучен образ ребенка, закрепленный в языковом сознании носителей разных лингвокультур, на основе данных словарей и психолингвистического эксперимента, а также мы обращались к общественным реалиям. Например, для понимания образа ребенка в китайской лингвокультуре необходимо обращение к такому документу, как “Политика планирования рождаемости”.

Для выявления образа ребенка нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент. В свободном ассоциативном эксперименте

приняли участие 100 китайских и 100 русскоязычных студентов, обучающихся в Южно-Уральском государственном университете, возраст – от 18 до 28 лет.

На предварительном этапе мы попросили носителей китайской и русской культуры написать синонимы к слову *ребенок* (孩子), наиболее частотные слова были выбраны в качестве стимулов для проведения второго этапа эксперимента (свободного ассоциативного эксперимента).

Носителям русской культуры были предложены стимулы: *ребенок, кроха, малыш, бэби, дитя, младенец, карапуз*. Носителям китайской культуры были предложены стимулы: *ребенок* (孩子), *кроха* (小不点), *сокровище* (宝贝), *бэби* (宝宝), *паинька* (乖孩子).

В результате эксперимента мы получили 1256 реакций от китайских студентов, 1247 реакций от русских студентов.

Для анализа полученных ассоциативных полей на стимул *ребенок* мы использовали прием построения семантического гештальта, предложенного Ю.Н. Карауловым, который считал, что «от пословного сопоставления одноименных ассоциативных полей естественно перейти к сравнению их семантических структур. Дело в том, что большинство ассоциативных полей обнаруживает особую внутреннюю семантическую организацию своего состава, названную мною «семантическим гештальтом» и характеризующую поле как единицу знания о мире, соотнося его строение с отраженной в нем структурой реальности» [Караулов 2000: 194]. В соответствии с семантическим гештальтом все реакции были разделены по следующим группам: КТО, ЧТО, КАКОЙ, ЧТО ДЕЛАЕТ, ГДЕ и другие.

В группе "КТО" больше всего было синонимичных слов. В обеих лингвокультурах в эту группу попали и взрослые, которые в языковом сознании связаны с ребенком. В русской лингвокультуре это *мамочка, родители, бабушка, дед*, в китайской – *родители, мать, жена, дедушка, бабушка*. Интересно, что в обеих лингвокультурах нет реакции *papa*, возможно, это является показателем того, что традиционно в этих культурах роль родителя оставалась женской. Однако в русской лингвокультуре на первом месте *мамочка* (уменьшительно-ласкательное от слова *мама*), а в китайской – *родители*.

В группе **ЧТО**: Интересно отметить, что в эту группу вошло больше реакций в русской лингвокультуре, чем в китайской. В реакциях носителей русской лингвокультуры больше место занимают вещи, которые окружают ребенка: *соска, подгузник, коляска, кроватка, памперс, горшок, погремушка, слюнявчик, шампунь*. У носителей китайской лингвокультуры нет таких реакций. Самая частотная реакция в русской лингвокультуре – *хлеб*, возможно, хлеб в данном случае обозначает не конкретный продукт питания, а необходимость кормить слабого, который не может еще сам добыть себе пропитание. Различны и полученные в качестве реакций продукты питания, отражающие реальность: в Китае ребёнок пьет *奶粉* (сухое молоко), в России – обычное *молоко*.

В группе **КАКОЙ**: Эта группа является самой большой, что говорит о том, что характеристика ребенка является важной в обеих культурах. Все реакции можно разделить на несколько подгрупп: 1) описание внешности, 2) характер, поведение, 3) взаимодействие со взрослыми. Следует отметить, что многие характеристики встречаются в обеих культурах, отличаясь лишь частотой упоминаний: *маленький, милый, наивный, добрый* и т.д. Однако есть и отличия. В китайской лингвокультуре большое внимание уделяется внешности (красоте) ребенка: *漂亮的 красивый, 讨人喜欢的 симпатичный, приятный, 小帅哥 молодой красавчик, 小美女 молодая красавица, 萌 очень милый, 非常美丽的 прекрасный, 小巧玲珑的 изящный, 粉嫩 румяный и нежный, 虎头虎脑 богатырского вида*. В русской лингвокультуре таких реакций немного: *симпатичный и хорошенький*, есть и противоположная – *уродливый*, не может не настораживать единичная реакция *сексуальный*. В отличие от китайской культуры присутствуют реакции: *пухлый, упитанный, толстый*.

Этнокультурной спецификой обладают реакции *单眼皮* верхнее веко без складки, *双眼皮* складка кожи на верхнем веке (складка на верхнем веке считается признаком красоты, так как соответствует европейскому разрезу глаз, как правило, у китайцев такой складки нет), *高鼻梁* высокая переносица, *黑眼睛*

чёрные глаза (в русской культуре за образом ребенка закреплены скорее голубые глаза, а черные глаза связаны с мистикой, злом).

Одним из важных отличий в поведении то, что в китайской лингвокультуре главное качество ребенка – послушание, поэтому реакция *послушный* наиболее частотная, а *непослушные* – единичная, а в русской лингвокультуре *непослушный* и *послушный* упоминаются практически одинаковое количество раз.

О проблемах в отношениях между взрослыми и детьми в русской лингвокультуре могут свидетельствовать реакции *противный, мерзкий, раздражающий, требовательный, отвратный, проблемный*. Похожие реакции есть и в реакциях на китайском языке: *烦人的 надоедливый, 累赘 тягость*.

В группе **ЧТО ДЕЛАЕТ**: В данной группе реакции можно разделить на обозначающие действия самого ребенка, которые могут быть рефлексивными или осознанными, и действия, направленные на взаимодействие с внешним миром и взрослыми. В русской лингвокультуре большинство реакции отражают врождённую способность: *плачет, смех, кричит, ползает, спит, играть*, лишь несколько можно отнести к второй подгруппе: *ласкать, родить*. В китайской лингвокультуре эти подгруппы гораздо объемнее, выделяются реакции *继承 унаследовать* и *顺从 подчиняться*, связанные с философией конфуцианства.

В группе **ГДЕ**: Эта группа самая малочисленная. В русской лингвокультуре именно *семья* является основным местом для нахождения ребенка, школы среди реакций нет, а в китайской лингвокультуре на первом месте по частотности – *学校* школа. Это может быть объяснено тем, что, как только ребёнок поступает в школу, он с утра до вечера находится в школе. Но такое разделение может свидетельствовать и о том, что в русской лингвокультуре ребенок в первую очередь – это дошкольник, а в Китае – школьник.

В группе **ДРУГИЕ**: В эту группу мы отнесли все, что не вошло в предыдущие группы. Среди русскоязычных реакций можно выделить те,

которые были даны на конкретные стимулы. Так, реакция *Карлсон* появилась на стимул *малыш*, так как в России широко известно произведение Астрид Лингрен "Малыш и Карлсон" и очень популярен мультфильм, снятый по этой повести; стимул *бабу* вызвал реакции *английский, США, Англия, англичанин*, поскольку слово явно заимствованное. В китайской лингвокультуре интересна реакция *小祖宗* *молодые предки*, поскольку она отражает культурную традицию уважать старшее поколение. В данном случае реакция показывает, что излишнее уважение оказывается молодому поколению, которое этого еще не заслужило.

Анализ ассоциативных полей, полученных в результате эксперимента, показал, что образ ребенка имеет как сходство, так и отличия. Сходство в первую очередь определяется внешними качествами (маленький, наивный, милый), статусом в обществе (беззащитный), типичным поведением (плачет, шалит). Отличия же связаны с культурными обычаями и традициями в воспитании детей, а также эталонами красоты, принятыми в обществе. Полученные данные позволяют вербализовать особенности образа мира, закрепленного в конкретной культуре, что способствует пониманию в межкультурном диалоге.

Мы проанализировали ассоциативные поля к стимулу *ребенок* в разных ассоциативных словарях, которые были собраны в разное время в разных странах. Данные ассоциативных словарей дают обширный материал, позволяющий выявить универсальные черты образа ребенка в языковом сознании носителей разных лингвокультур. В нашем случае мы получили материал на русском, английском, белорусском, болгарском, украинском, немецком, французском языках. К сожалению, в настоящее время нет большого Китайского ассоциативного словаря.

В нашем исследовании для выявления базовых характеристик образа ребенка мы использовали методику построения семантического гештальта, предложенную Ю.Н. Карауловым. Полученные данные мы разместили в таблицах, которые содержат ассоциативное поле к стимулу *ребенок*, все

реакции разделены в соответствии с семантическим гештальтом (выделен субъект – КТО, объект – ЧТО и т.д.).

Мы выявили сходство и отличия в представлении о ребенке в разных лингвокультурах.

Таблица. Образ ребенка в разных лингвокультурах по материалам ассоциативных словарей.

	Сходства	Отличия
Кто	– разные синонимы, которые называют ребенка в зависимости от его возраста, пола, статуса в семье; - есть названия взрослых, которые могут иметь отношение к ребенку (чаще всего это <i>мама, родители, папа</i>);	
Что	совпадают реакции: радость, плач, любовь, невинность/наивность, будущее, предметы;	отличаются реакции, которые конкретизируют проблемы, связанные с детьми;
Какой	во всех лингвокультурах ребенок в первую очередь маленький, есть разграничения по возрасту, характер описывается положительно, а поведение чаще описывается с отрицательной стороны, во всех культурах есть указание на болезнь и здоровье;	отличаются реакции, связанные с принадлежностью, для большинства славянских культур важна принадлежность ребенка; внешность в большинстве культур не очень важна, конкретизируется в русской лингвокультуре;
Что делает	перечислены действия как самого ребенка, так и окружающих его взрослых;	почти во всех славянских лингвокультурах на первом месте по частотности находится плач;
Где	общими являются реакции семья, школа, детский сад;	в славянских лингвокультурах (особенно в белорусском и украинском словарях) вариантов гораздо больше (<i>коляска, люлька</i>).
Другое	во многих лингвокультурах есть отношение к ребенку (<i>хочу, не хочу, в будущем</i>).	

В результате можно говорить о том, что ребёнок является важной частью культуры и отражает традиционные ценности. Ассоциативный эксперимент позволяет получить вербализацию образов языкового сознания носителей культуры. Сегодня существует большое количество ассоциативных словарей на разных языках, что позволяет выявлять общее и отличное в образах языкового

сознания. Стимул ребенок представлен во всех ассоциативных словарях, которые мы проанализировали. В результате анализа ассоциативных полей в разных словарях мы выявили, что образ ребенка имеет много общего в разных культурах. Это обусловлено перцептивными данными (маленький), социальным статусом (родители, мама, папа). Отличия связаны с этнокультурной спецификой, традициями, социальным укладом.

Таким образом, необходимость психолингвистических исследований для взаимопонимания народов, диалога культур стала общепризнанным фактом. Вопросы взаимосвязи языка и культуры являются наиболее актуальными в ряду вопросов, решаемых современной российской и зарубежной лингвистикой. Ассоциативный эксперимент позволяет выявить ключевые моменты совпадения и несовпадения языковых образов мира, сложившихся в разных лингвокультурах.

В нашем исследовании мы выявляем образ ребенка, закрепленный в языковом сознании носителей разных культур. Метафора наряду с другими средствами языка является овнешнителем (способом вербализации) этого образа.

В ходе исследования был проведен опрос для выявления своеобразия метафорического образа ребенка в китайской и русской лингвокультурах. В опросе приняли участие 100 китайских и 100 русскоязычных студентов, обучающихся в Южно-Уральском государственном университете, возраст – от 18 до 28 лет. В качестве инструкции испытуемым предлагалось написать сравнение, метафору к слову «ребенок» («孩子»): "Ребенок (словно) / 孩子 (像什么)".

В результате было получено 152 сравнения на русском языке от носителей русской культуры и 247 сравнений на китайском языке от носителей китайской культуры. Такая разница в количестве обусловлена тем, что китайские студенты давали больше ответов. Мы решили анализировать все полученные ответы, добавив процентное соотношение в выделенных группах.

Можно сделать вывод о том, что выявление метафорических образов позволяет изучить образы, представленные в наивном языковом сознании

носителей разных культур. При анализе данных, полученных с помощью опроса, мы увидели похожие результаты: в обеих лингвокультурах больше всего было сравнений с животными и птицами (чаще всего маленькими), это говорит о том, что существует общее представление о маленьких живых существах, которые нуждаются в заботе и вызывают умиление. Однако стоит сказать, что выбираются часто разные животные и даже одинаковые животные в разных культурах символизируют разные качества. Также похожими являются сравнения детей с куклами, растениями, мифическими существами, окружающим миром. Однако необходимо помнить о том, что смысловое наполнение одинаковых предметов в разных культурах может быть неодинаковым. Мы считаем, что наиболее близкими образы будут в тех случаях, где перенос значения (выбор метафоры) будет связан с наиболее общими представлениями: ангел – чистый, капелька – маленькая и т.д. Различия будут касаться в первую очередь культурной составляющей, закрепленной в традициях, пословицах и поговорках. Очень часто носитель культуры не может объяснить дополнительные смыслы, поскольку они были переданы в раннем детстве и не подвергаются сомнениям. Новый взгляд на эти закрепленные смыслы возникает только при знакомстве с иной культурой. Очень ярко это можно проследить на примере характеристик, приписываемых животным и птицам в разных культурах.

Интересно и то, что в русской лингвокультуре наиболее частотное сопоставление с *куклой* (22), а в китайской лингвокультуре – с *宝贝/сокровищем* (51).

Образ ребенка в каждой культуре базируется на культурных традициях. Можно выделить также современные события, оказавшие влияние на образ мира. Для образа ребенка в Китае таким событием является политика ограничения рождаемости. «计划生育政策» (Политика планирования рождаемости) была введена в Китае 25.09.1980 г. Это было вызвано тем, что в это время в Китае было много многодетных семей, что негативно повлияло на экономику страны и уровень жизни населения. Поэтому власти страны приняли

решение повлиять на демографическую ситуацию, издав указ «独生子女» («Одна семья – один ребёнок» / «Единственный ребёнок»). С 01.01.2016г. это указ был отменен. Несмотря на это, многие люди, рассуждая о ребенке в Китае, возвращаются к этому закону. К тому же нельзя забывать, что изменения в образе мира происходит очень медленно, сегодня мы испытываем результат этой политики (об этом свидетельствует наиболее частотное сопоставление с сокровищем).

В четвертой главе «Образ ребенка в традиционном языковом сознании (на материале пословиц и народных сказок)» изучен образ ребенка, закрепленный в языковом сознании носителей русской и китайской культуры, на основе сборников пословиц, топологического анализа китайских и русских народных сказок.

Мы проанализировали пословицы о детях (100 русских и 124 китайских). Сначала сформулировали смысл каждой пословицы, затем объединили общие смыслы. В результате выделили ряд общих смысловых признаков. Эти признаки указывают, что народ считает самым важным в каком-либо явлении, потому что пословицы отражают опыт народа. Самые частотные смысловые признаки являются самыми главными, они выражают важные особенности мировосприятия народа. Таки признаки мы называем ядерными. Менее важные смысловые признаки, примыкающие к ядерным, – околядерные. Они менее важны в национальном образе мира. Признаки, представленные незначительным количеством пословиц (1-2), являются периферийными.

Одинаково важные для обоих народов смыслы:

Мама – самая главная для ребёнка (11 % в китайском и 10 % в русском языках):

Материнская молитва со дна моря достанет. При солнце тепло, при матери добро (рус.);

孩子枕着母亲的手熟睡很幸福 (У мамы сладкие руки, ребёнок спит над ними счастливо) ;

母亲就是孩子的天 (В душе ребёнка мама – бог) ;

孩子需要母亲如同田地需要水 (Ребёнку нужна мать, как полю – плотина) (кит.).

Детей нужно воспитывать строго:

Засиженное яйцо–всегда болтун, заняченный сынок–всегда шалун; Кто боится детских слёз – сам потом наплачется; (рус.)

棍棒底下出孝子, 溺爱出逆子 (Из-под палки выходят почтительные сыновья, балованные – непочтительные к родителям) (кит.).

Отличаются следующие признаки:

В китайском образе мира на первом месте (27 %) – мысль о том, что дети обязаны быть почтительными, послушными и благодарными:

高尚的智者, 贤良的达官, 善良的父亲, 孝顺的儿子 (Благородные мужья мудры, сановники добродетельны, отцы добросердечны, сыновья почтительны); 若孩子不听从父母, 其伤害显而易见 (Если дети не слушаются родителей, то обязательно станет очевидным, что они потерпят ущерб); 羊有跪乳之恩, 鸦有反哺之义 (Ягнёнок на коленях сосёт материнское молоко, ворон изрыгает проглоченное (чтобы прокормить престарелых родителей)).

В русском языке этот признак выражают только 3 % пословиц.

Второй по значимости смысловой признак в китайском образе мира – тождество родителей и детей.

«Какие родители – такие и дети» (23 %): *对于父母来说, 孩子永远是孩子 (Детёныш кошки всегда котенок); 鸡窝里飞不出凤凰 (Из куриного гнезда феникс не вылетает); 龙之九子, 各有不同 (У дракона рождаются драконы, у тигра – тигры).*

Русские пословицы 7 %: *По матери и дочь; Яблоко от яблони недалеко падает.*

Но в некоторых пословицах утверждается прямо противоположное: *И от доброго отца родится бешена овца (рус.), 好妻子胜于一屋子孩子 (верная жена – лучше, чем полон дом детей); 乌鸦窝里飞不出凤凰 (Из гнезда вороны может вылететь феникс) (кит.).*

В китайском образе мира третий по значимости признак – бесконечная любовь к детям со стороны родителей. Родители всегда считают своего ребёнка самым лучшим (16%). В русском образе мира – 9 %.

父母的爱比其他情感更有价值 (Родительская любовь ценнее, чем другие чувства); 刺猬认为自己孩子的皮肤是柔软的 (Ёж считает шкурку своих детей мягкой); 别人家的米好, 自己家的孩儿好 (На чужом поле рис кажется лучше, свои дети кажутся краше) (кит.)

Свое дитя немыто мило; Всякой матери милы свои детки; И сова своего совенка хвалит (рус.)

Четвертый по значимости признак образа в китайском языке – «Ребёнок – это ценность» 7 %): *有好儿子比有钱好 (Имей не деньги, а хорошего сына); 有孩子就有快乐 (Есть дети – будут и радости).*

Для русского сознания этот признак на первом месте (20 %). «Дети – смысл жизни, источник счастья»: *Малы детушки – что часты звёздочки: и светят и радуют в тёмну ноченьку.*

Ребёнка любит и защищает Бог: *Дитя падает – бог перинку подстиляет, стар падает – черт бороду подставляет.*

Русский народ считает, что дети – самое главное в семье, без них семья теряет всякий смысл: *Детей нет – жена пустоцвет; Дом без детей – могила.*

В китайском языке есть даже пословица *好妻子胜于一屋子孩子 (верная жена – лучше, чем полон дом детей)*, это противоречит русскому менталитету.

Русские пословицы говорят о том, что в семье должно быть не менее трех детей (*Один сын – не сын, два сына – полсына, три сына – сын; Одно дитя – не дитя.*), китайские – может быть и один ребёнок, но обязательно мальчик *有一个好儿子, 为什么还要另一个 (один сын хороший – других и не надо).*

Совпадают представления русских и китайцев в пословицах о том, что сын лучше, чем дочь: *生儿子最大的快乐, 生女儿没那么快乐 (родился сын – большая радость, родилась дочь – радости мало)* (кит.), *Дочь отцу с матерью не корысть; пои – корми да и в люди отдай; Дочь чужое сокровище* (рус.).

В этих пословицах отразился уклад жизни обоих народов, при котором дочь выходила замуж и жила в семье мужа, а сын женился и оставался жить с родителями.

Полярно отличаются русский и китайский образы мира по признаку «Дети заставляют родителей не только радоваться, но и страдать». В китайском языке – 0,7 %, в русском – 25 %.

Китайская пословица: *坏孩子要惩罚* (Плохой сын даётся в наказание).

Русские пословицы: *Детишек воспитать – не курочек пересчитать. Детки – родителям кручина. Кто детей не имеет, тот и горестей не знает. Без детей горе, а с детьми вдвое.*

В русском образе мира понятие ребенок имеет больше периферийных (единичных) смысловых признаков. В китайском образе мира признаков меньше, но они представлены большим числом пословиц.

Русский и китайский образы мира отличаются тем, что общие смысловые признаки имеют разную значимость: то, что очень важно для одного народа, оказывается неважным для другого. Эта разница в восприятии мира должна учитываться при переводе, на занятиях с учащимися.

Топологический анализ – это приём исследования, который включает в себя несколько процедур: 1. Выделение частей сказки, текст которых объективирует исследуемый образ. 2. Формулирование топоса – обобщенного смысла этой части, анализ смысла. 3. Соотнесение топоса со смысловыми элементами образа, выделенных ранее.

Топологический анализ русских и китайских сказок о детях выявил сходство и отличие в структуре исследуемого образа. Проведен топологический анализ русских и китайских народных сказок, всего было 9 русских сказок и 14 китайских сказок.

Общие сюжетные мотивы русских и китайских народных сказок о детях:

Ребёнок – большая ценность. Этот мотив одинаково представлен в русских и китайских сказках. Например, в сказке «Василиса Премудрая и морской царь» царь был наказан тем, что у него отняли самое дорогое. Самое дорогое для царя – не деньги или власть, а сын. В китайских сказках родители

тоже заботятся о том, чтобы прокормить детей, дать им хорошее воспитание и образование «**卢春**» («Лу Чун»), «**母子桥**» («Мост матери и сына»).

О детях нужно заботиться. Герои русских и китайских сказок одинаково заботливо относятся к детям. В сказке «Василиса Прекрасная» мать, умирая, думает о том, как помочь жить дочери, которая остаётся без неё. В китайских сказках «**母子桥**» («Мост матери и сына») мать отдаёт жизнь, помогая сыну. В китайской сказке «**卢春**» («Лу Чун») отец заботливо воспитывает сына и дает ему хорошее образование, хотя этот ребёнок рождён мертвой женщиной, а сам Лу Чун оказался игрушкой в руках призраков. В китайской сказке «**善良的儿媳**» («Добрая невестка») бедный старик хочет порадовать дочерей, купить им к Новому году подарки, хотя у него самого мало денег.

Забота о выросших детях, вмешательство в их личную жизнь также является общим. Так, царь в «Царевне-лягушке» хочет помочь выросшим детям устроить семейную жизнь, он устраивает различные испытания невесткам, заставляя их думать о хозяйстве. В китайских сказках родители постоянно принимают решение о вступлении в брак их выросших детей, что служит порой источником страданий влюблённых (сказки «**梁山伯与祝英台**» («Лян Шаньбо и Чжу Итай»), «**孔雀东南飞**» («Летит павлин на Юго-Восток») и др.).

Конфликт отца девушки и её возлюбленного. Этот мотив встречается во многих русских и китайских сказках. Он заставляет героев одинаково страдать, но разрешается в русских и китайских сказках по-разному. Несмотря на огромную силу любви и её предначертанность судьбой, герои китайских сказок на первое место всегда ставят долг перед родителями, поэтому в случае конфликта отца и мужа молодая жена остаётся с отцом. Если родители против брака влюблённых, дети подчиняются им (сказки «**王的女儿**» («Дочь правителя княжества У»), «**孔雀东南飞**» («Летит павлин на Юго-Восток»), «**梁山伯与祝英台**» («Лян Шаньбо и Чжу Итай»), «**董永与七仙女**» («Дун Юн и небесная красавица»)). Они выбирают смерть, самоубийство, но не убегают с

возлюбленными, как это делают героини русских сказок. Героини русских сказок убегают от родителей, когда влюблены в того, кто не нравится матери или отцу: Василиса Премудрая убегает с Иваном-царевичем от морского царя.

Послушание. Этот мотив встречается одинаково часто в русских и китайских сказках. В сказке «Царевна-лягушка» Иван-царевич не перечит отцу, когда тот заставляет его жениться на лягушке, в сказке «Елена Премудрая» Елена выходит замуж по воле отца, Хаврошечка, Настенька и Василиса покорны мачехам. Так же обстоят дела и в китайских сказках: Лу Чун женится по воле умершего отца на незнакомой девушке, которая оказалась призраком. Абсолютно все героини китайских сказок беспрекословно подчиняются родителям.

Сюжетные мотивы, составляющие своеобразие русских и китайских сказок:

1. Смерть детей от горя, что родители не разрешают вступить в брак с любимым человеком встречается только в китайских сказках, поскольку русские героини в такой ситуации просто убегают от родителей.

2. Выбор между ребёнком и родителями делают героини только китайских сказок. В сказке «Похоронить сына, чтобы выкормить мать» героиня выбирает мать, хотя очень любит сына.

Таким образом, в ходе работы изучена научная литература по сказкам, проанализировано само понятие сказки, выявлены особенности и виды сказок. Определена роль анализа сказок для исследования своеобразия национального образа мира.

В заключении подводятся итоги исследования и формулируются основные выводы, подтверждающие положения, выносимые на защиту, предлагаются перспективы данного исследования.

**Статьи в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК
Министерства образования и науки РФ**

1. Цзинь Ч. Способы изучения образа ребенка в языковом сознании носителей культуры (на примере китайской лингвокультуры) / Ч. Цзинь //

Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Лингвистика. – Челябинск, 2017. – Том 14. – № 4. – С. 72-75. (0,4 п.л.).

2. Харченко Е. В., Цзинь Ч. Образ ребенка в языковом сознании носителей китайской и русской лингвокультур (по данным ассоциативного эксперимента) / Е. В. Харченко, Ч. Цзинь // Вопросы психолингвистики. – Москва, 2018. – № 37. – С. 82-91. (0,6 п.л. / 0,6 п.л. – авторские не разделены).
3. Цзинь Ч., Харченко Е. В. Сходство и отличие образа ребенка в языковом сознании / Ч. Цзинь, Е. В. Харченко // Вестник Челябинского государственного университета. Серия Филологические науки. – Челябинск, 2018. – Выпуск 114. – С. 271-280. (0,6 п.л. / 0,6 п.л. – авторские не разделены).
4. Цзинь Ч. Метафорический образ ребенка в разных лингвокультурах / Ч. Цзинь // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – Ижевск, 2018. Т. 28, вып. 6. – С. 980-985. (0,4 п.л.).

Статьи в других научных изданиях

5. Цзинь Ч. «РЕБЁНОК/ДЕТИ» в китайской и русской картине мира (на примере пословиц) / Ч. Цзинь // Русский язык как государственный. – Челябинск : Цицеро, 2016. – С. 200-202. (0,3 п.л.).
6. Цзинь Ч. Сравнительный анализ объективации концепта «РЕБЁНОК/ДЕТИ» в китайских и русских народных сказках / Ч. Цзинь // Диалог культур Евразии. – Челябинск : издательский центр ЮУрГУ, 2016. – С. 184-202. (0,6 п.л.).
7. Цзинь Ч. «Спиногрызы» и «пузожителы»: лингвореативность синонимов к слову ребенок в разных лингвокультурах / Цзинь Чжи // Лингвистика креатива : тенденции и перспективы развития нового научного направления. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2018. – С. 464-470. (0,5 п.л.).